

УДК 821.14.01

Бертолази Э.
(Італія)

ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

У статті аналізується питання співвідношення категорій «мова» і «етнічна ідентичність» у сучасному світі.

Ключові слова: мова, етнічна ідентичність, індивідуум, людські групи

В статтє аналізується вопрос соотношения категорий «язык» и «этническая идентичность» в современном мире.

Ключевые слова: язык, этническая идентичность, индивидуум, людские группы.

По словам итальянского антрополога Франческо Ремотти индентичность – это неотъемлемая черта индивидуума. Общественные связи являются настолько существенными и решающими, что такие вопросы, как «кем является собеседник?», или «чем он занимается?» или «как он понимает то, что происходит?», имеют фундаментальную важность в жизни человека. В тот момент, когда человек выходит из состояния нестабильности и чувства отсутствия целостности, он сталкивается с проблемой своей идентичности. Идентичность является элементом неотъемлимым, центральным и первоочередным но, в то же время, не имеет определенной прочной базы, и нуждается в постоянном становлении и воссоздании¹.

Антропология выявила, что людские группы имеют тенденцию к разработке определений: позитивных по отношению к себе и негативных по отношению к другим.

Большая часть изученных групп трактует понятие «сами» словами, которые могут быть переведены как: «человеческие создания» или «люди», в то время, как понятие «другие» – категориями определений, варьирующимися от «нелюдей» до «извергов».

Названия групп людей, этносов, народов, часто являются навязанным извне результатом «внешнего представления», плодом культурной разработки доминирующей группы:

- самовосхваляющими терминами награждают самих себя,
- порицающими терминами – других.

В результате каждый народ имеет одно или больше названий, которыми может или не может идентифицироваться.

Например, этническое определение *славянин* (согласно одной из гипотез происходящее от латинского *sclavus – раб*) – это термин, которым славяне определяют себя в каче-

¹ Remotti Francesco, Contro l'identità, Bari: Laterza, 2007. – С. 14-18.

стве этнической группы, принадлежащей определенному культурно-лингвистическому европейскому ареалу, откуда в античности Римская империя вывозила невольников и дешевую рабочую силу.

Слово *эскимосы* буквально переводится как *едоки сырого мяса*; так были названы жители Арктики своими индейскими соседями, в то время как сами эскимосы называют себя *иннуит*, что означает *настоящие люди*.

А название *бедуины* произошло от арабского *баду* (*baidā – пустыня*). Это термин, которым оседлые городские населения называли кочевников пустыни. Сами же кочевники между собой называют себя *араб*, а при чужаках называют себя *баду*.

Это примеры двойного определения, соответствующие двум различным моделям отношений: одно – внутри, а другое – вне общества².

Отсюда следует дихотомия *мы/другие*. Это обобщающая и упрощающая дихотомия, которая с легкостью формируется на основе того, что на глаз или воображению кажется характерной и отличительной чертой другого.

Этнос

Для греков термин *этнос* имел пренебрежительное значение. Так называли греков, не живших в селах, и варваров, не говоривших по-гречески.

Противоположным *этносу* значением обладал термин *полис*. Он означал общину, однородную по своим законам и обычаям). Эта неточная коннотация термина *этнос* просуществовала вплоть до современной эпохи, где он понимается как «нация с изъяном», «несовершенная», «умаленная»³.

В такой же семантической области находятся такие выражения как:

- *племя* – умалечающий термин, используемый для неопределенного названия групп и народов, отличающихся от собирательного западного «мы»;

- *культура* – имеет слишком высокое значение для применения по отношению к другим. Термин, облагораживающий людей, по отношению к которым он применяется;

- *этнос* – в наше время, является термином, не дающим оценки; его значение позволяет нам как клеймить других, так и восхвалять себя самих; дает представление «неопределенности» и «первобытности происхождения», отличной от «примитивности»⁴.

Под словом *этнос* в настоящее время привычно подразумевается группа, состоящая из определенного количества индивидуумов, «принадлежащих» ей и у которой является общими язык, территория и традиции⁵.

Этнос представляется нам неким «естественным» определением, нуждающимся в тщательном критическом анализе.

В антропологии термин «принадлежности» к определенной этнической группе воспринимается в своем символическом значении.

Недостаточно иметь определенный цвет кожи, жить на определенной территории, а так же говорить на определенном языке или разделять определенные ценности и поведенческие нормы, для того чтобы принадлежать к определенному этносу.

² *Fabietti Ugo, L'identità etnica, Roma: Carrocci, 2004. – С. 16-17.*

³ *Fabietti Ugo, L'identità etnica, Roma: Carrocci, 2004. – С. 29.*

⁴ *Fabietti Ugo, L'identità etnica, Roma: Carrocci, 2004. – С. 66 - 67.*

⁵ *Fabietti Ugo, Elementi di antropologia culturale, Milano: Mondadori università, 2004. – С. 167.*

По словам итальянского антрополога Уго Фабиетти *этничность* – чувство принадлежности к определенной этнической группе – является «определением коллективного себя и/или других», которое почти всегда уходит корнями в отношения между группами, основанных на силе и коагулируется вокруг специфических интересов⁶.

Понятия *этнoса* и *этничности* являются настоящими «символическими конструкциями». Они выражают с одной стороны внутреннюю гомогенность, а с другой – гетерогенность по отношению к другим группам. Их появление – следствие определенных исторических, политических и социальных обстоятельств.

Эти понятия не являются статичной, «вечной» реальностью, заданной раз и навсегда, а наоборот, реальностью изменяющейся, находящейся в постоянном становлении. С этой целью, с помощью так называемого процесса «создания этнической идентичности», выделяются отличительные черты группы, считающиеся неизменными.

В ходе подобного процесса этническая идентичность подвергается постоянной «реорганизации» черт, считающихся ключевыми для данного этноса. Эти черты могут со временем измениться и подвергнуться «корректировке» в сторону последующей дифференциации от других этнических групп, или в сторону большего сближения с ними.

Этот процесс предусматривает создание «этнической памяти» исключительно посредством механизма исторического отбора с целью формирования чувства принадлежности⁷.

Таким образом этническая память ведет к символической трансформации функциональных черт, направленных на воссоздание и переопределение этнической идентичности.

Например, устанавливаются общие корни, а затем заявляется, что все члены этой общины происходят от этих корней.

В XIX веке востоковед Эрнест Ренан по поводу национальной идеи писал: «Забвение и, я бы даже сказал, историческая ошибка являются существенными факторами в создании нации»⁸.

Бином языка / этнической идентичности

Что можно сказать о взаимосвязи языка и этнической идентичности? Может быть именно язык является тем существенным элементом, отличающим одну нацию от другой? То есть «нас» от «них»; чем-то, что отличает «настоящих людей» от «варваров», которые не в состоянии говорить на нормальном языке, и которые могут лишь произносить странные и непонятные гортанные звуки? Разве не на основе языкового различия древние греки в противоположность остальной части человечества «пранационалистически» дали ей определение «варваров»?

На локальном уровне разве не незнание языка «других людей» составляет непосредственный барьер общению, в результате чего определяется демаркационная линия с другой группой? Ведь даже сегодня использование, например, особого сленга служит проявлению своей принадлежности к какой-нибудь субкультуре, имеющей целью подчеркнуть свое отличие от других групп общества или от большей его части.

⁶ Цитата из *Fabietti Ugo, L'identità etnica*, Roma: Carrocci, 2004. – С. 14.

⁷ *Fabietti Ugo, L'identità etnica*, Roma: Carrocci, 2004. – С. 21-22.

⁸ Цитата из *Renan Ernst, Che cos'è una nazione*, Roma: Donzelli, 1993. – С. 7.

Языковая однородность часто казалась этнологам и лингвистам индикатором культурной, социальной и этнической гомогенности. Язык, больше других компонентов культуры, предоставляет возможность для осуществления попыток исторической реконструкции с целью установления взаимоотношений разных народов для обнаружения соответствующих корней.

Подобное видение языка и этничности в качестве похожих элементов, ассоциируемое с идеей двойного «происхождения»: языкового и этнического, составило основу идеи подлинности культур, к которой очень часто обращаются для обоснования этнической идентичности и отстаивания своего отличия и прав на него.

После установления ассоциации «язык – культура, общество, этничность» становится несложно заключить из схемы исторического происхождения языков также и историческое происхождение этничности.

Подобная схема стала результатом развития индоевропейской лингвистики (сравнительной исторической лингвистики, развившейся в конце XVIII и в начале XIX веков)⁹.

Идея «первоначальной» культуры на самом деле не далека от идеи «первоначального» языка. Концепции «первоначальности» культуры и языка даже взаимно подтверждают друг друга.

Но считать, что существует что-либо «первоначальное» вроде языка или культуры означает, что какие-то определенные языки или культуры могут быть «чистыми», «неоскверненными» и, следовательно «аутентичными».

Несмотря на то, что культуры, общества, этносы, языки являются комплексными и к тому же обладающими неопределенными границами, находящимися в постоянном потоке изменений, общественная мысль старается установить в них некие черты устойчивости, чтобы защитить их от любых форм изменчивости.

Обычно этот поиск постоянства выражается понятиями «подлинности», «аутентичности». Следом за «поиском корней» определяется «аутентичность» культур, потом собственная «аутентичность», а в некоторых случаях приходят даже до поиска «потерянной» аутентичности. Но существуют ли аутентичные культуры и, следовательно, аутентичные языки?¹⁰

Подобный подход превращает культуры в подобие закрытого резервуара, в котором хранятся подлинные «традиции» общества, этноса, народа или нации и приводит к отрицанию того факта, что все культуры являются результатом взаимодействия, обмена и влияний, приходящих извне¹¹. В сущности, культуры, так же как и языки, обладающие способностью выражать, не рождаются беспримесными.

Бином «один язык – одна культура», мысль о том, что единство государства выражается прежде всего с помощью общения на одном языке, появилась с исторической точки зрения недавно, в Европе в период от XVIII – XIX вв. до наших дней.

Язык, как объединяющий элемент *этноса* и *демоса* – излюбленная и часто повторяющаяся идея в частности в тех сообществах, в которых именно языковой фактор представляет собой повод для потенциального и постоянного разногласия с властью. Он

⁹ Fabietti Ugo, *L'Identità etnica*, Roma: Carocci, 2004. – С. 73.

¹⁰ Fabietti Ugo, *L'Identità etnica*, Roma: Carocci, 2004. – С. 80-81.

¹¹ Fabietti Ugo, *L'Identità etnica*, Roma: Carocci, 2004. – С. 23-24.

обычно считается тем элементом культуры, в котором во главе стоит (или стояло) этническое самоутверждение.

Вопрос языка как «горячего» индикатора идентичности, передается утверждением о том, что язык, почти всегда называемый «родным языком», формирует образ мысли людей, на нем говорящих. Вследствии этого определенные «менталитеты» и «национальные характеры» ассоциируются с соответствующими языками¹².

С этой точки зрения получается, что именно «родной язык» обуславливает образ мысли, социальное поведение, показ или контроль чувств и эмоций. В этом случае сравнение языков превращается в сравнение менталитетов и образа мыслей. Все с той же точки зрения выходит, что именно язык (имеется в виду разнообразие языков) создает отличия между разными обществами, группами, этносами, народами, нациями.

Часто приходится слышать следующее: «особенности нашего языка создали наш, отличный от других менталитет...». Тем более, (обычно говорят именно так) если речь идет о родном языке, насчитывающем века существования, как утверждают все общества, в особенности те меньшинства, которые больше других чувствуют себя в категории риска.

Мифема¹³ (термин Клода Леви-Строса) заключается в представлении о том, что язык, именно благодаря своей долгой жизни, может сформировать и запечатлеть характер *этоса*, который в своем символическом значении совпадает с понятиями «этноса» и «расы». Из этого заключают, что родной язык должен передаваться молодым поколениям специально для непрерывной передачи и даже более того, во избежание потери первоначального характера своего народа.

Однако в соотношении язык – национальная идентичность исследуемым вопросом должно быть выяснение того, воспринимаются ли эти языковые барьеры разделяющими для групп людей, к которым справедливо использование термина потенциальной национальности или нации, а не простых групп, испытывающих трудности в понимании речи представителей другой группы.

Следовательно, нужно исследовать так называемые диалектальные языки¹⁴ и их использование в качестве критерия принадлежности к какой-нибудь группе. В этом исследовании мы должны быть предельно внимательными для того, чтобы не перепутать обсуждения развитых людей с утверждениями тех, которые таковыми не являются, а также не допустить анахронизмы, перемещая в прошлое современные обычаи¹⁵.

В предыдущий период не существовало обязательного образования, не говорили на другом «национальном языке», кроме литературного, или же на каком-либо письменном

¹² *Iannacaro Gabriele Matera Vincenzo*, *La lingua come cultura*, Novara: UTET De Agostini, 2009. – С. 55–56.

¹³ Минимальная единица мифа. Леви-Стосс проанализировал и сравнил мифы, разделив их на составляющие элементы и доказал, что все они обладали большой способностью заканчиваться во второстепенных пунктах. *Fabietti Ugo*, *Storia dell'Antropologia*, Bologna: Zanichelli, 2001. С. 193.

¹⁴ Диалектальные языки письменно не зафиксированы и представляют собой комплекс местных вариантов или диалектов, носители которых могут общаться друг с другом с большими или меньшими трудностями в соответствии со степенью изолированности или доступности географической местности проживания носителей этих диалектов

¹⁵ *Hobsbawm Eric J.*, *Nazioni e nazionalismi dal 1780*, Torino: Einaudi, 2002. – С. 60 – 61.

административном языке, созданном или адаптированном для устного применения, или в качестве франкского языка, позволяющего людям, говорящим на разных диалектах общаться между собой, преодолевая диалектальные барьеры.

Кажется маловероятным для обширной территории существование по-настоящему практикующегося «национального языка», развившегося на исключительно устной основе и отличающийся от общего языка. Иначе говоря, то, что одно время считалось «родным языком», который дети перенимали от неграмотных матерей и использовали в бытовом общении, не был никоим образом «национальным языком».

Например, в Италии к моменту ее объединения во второй половине XIX века национальный язык практиковался лишь 2,5% ее населения, в то время как остальная ее часть объяснялась на разных диалектах, в большинстве случаев друг другу непонятных. Знаменита фраза патриота и писателя Массимо Д'Ацелио (1798 – 1866), которую он высказал в тот период: «мы создали Италию, а сейчас должны создать итальянцев».

Вышесказанное не означает, что в народе не исключена определенная культурная идентификация с языком или с особым диалектальным набором, который используется представителями этого общества для того, чтобы отличаться от представителей пограничных областей¹⁶.

Следовательно, национальные языки почти всегда представляют собой достаточно искусственные конструкции. Они прямо противоположны утверждениям националистических мифов, превращающих языки в первичные элементы национальной культуры. На самом деле речь идет, в целом, о попытке изобретения стандартизированного языка, о выведении его из разнообразия разговорных форм, которые впоследствии деградируются до уровня диалектов. Главной задачей этого творчества обычно является выбор того диалекта, который положит основу этому языку, стандартизированному и гомогенизированному.

История почти всех европейских языков имеет подобную диалектальную основу: болгарский литературный язык основан на разговорной форме западной Болгарии, украинский – на юго-восточных диалектах, латышский – на общей обработке трех вариантов, в то время как литовский – на общем результате двух вариантов.

Прицип этого отбора, в сущности, произволен¹⁷.

В сущности, мистическая идентификация национальности и нечто, напоминающее платоновское понятия об идеальном языке, находящееся над его несовершенными вариантами и разновидностями, кажется скорее плодом идеологического построения интелтуалов-националистов, таких, как немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер (1744 – 1803). В своей первой работе, написанной в 1764 г. «О прилержности в нашем обучении языкам» (*Über den Fleiss in mehreren gelehrten Sprachen*) он утверждает, что язык похож на растение, растущее и созревающее в зависимости от почвы и климата, в котором оно посажено. И, следовательно, поскольку «все языки обладают своим национальным характером», то и наш родной язык соответствует нашему характеру и нашему особому образу мысли¹⁸.

¹⁶ Hobsbawm Eric J., *Nazioni e nazionalismi dal 1780*, Torino: Einaudi, 2002. – С. 62.

¹⁷ Hobsbawm Eric J., *Nazioni e nazionalismi dal 1780*, Torino: Einaudi, 2002. – С. 66.

¹⁸ В работах *Vom Geist der Ebräischen Poesie* (О духе древнееврейской поэзии) и *Von deutscher Art und Kunst* (О немецком искусстве и род) Гердер утверждает, что в поэзии и, в целом, в искусстве

Там, где есть элитный язык, использующийся в административном управлении или в литературе, даже если его применение ограничено, не исключается возможность превращения этого языка в центральный элемент протонационального объединения, согласно трем пунктам, приведенным знаменитым Бенедиктом Андерсоном¹⁹.

Во-первых, потому что язык создает общество. Общество, зона обитания которого, совпадая с территориальными границами государства и с областью распространения диалектов, может превратиться в своего рода модель или ведущий проект внутри большего общества (в том числе с точки зрения общения), которым и является «нация».

Во-вторых, общий язык, именно от того, что не является продуктом естественного развития, а имеет искусственное происхождение, и особенно в случае, когда он стоит на службе у печати, приобретает новую форму фиксированности, благодаря которой кажется, что он наделен бо'льшими чертами постоянства и вечностью, которыми в реальности он не обладает.

И в-третьих, официальный язык правящих кругов и элиты обычно становится языком современных государств, через общественную образовательную систему и, так или иначе, через общественное управление.

Онтологическое значение концепции этноса

Однако этническая идентичность не только является плодом чистого воображения, но имеет также свою онтологию, которая, будучи однажды построенной, приобретает очень конкретную ценность, драматическим свидетельством чему служат этнические конфликты.

Уверенность некоторых индивидуумов в принадлежности к определенной этнической группе является фактом.

По утверждению антрополога Зигфрида Фредрика Наделя, в основе этой уверенности лежит догма, формирующая, создающая свою онтологию и которая, несмотря на всю свою субъективность, представляет собой объективную ценность для тех, которые в нее верят. С точки зрения этих людей верить – означает существовать²⁰.

Мы можем себе позволить быть скептическими по отношению к верованиям других, но мы не должны так же скептически относиться ни к преданности самих людей собственным верованиям, ни к реальным эффектам, которые эти верования могут вызывать.

Парадоксальным образом, уже почти около тридцати лет ученые говорят о том, что нации не существуют, что они были придуманы в эпоху романтизма, поэтами и писателями, и что они являются простыми «воображаемыми обществами».

Итальянский философ Костанзо Преве убежден, что вышеказанное неверно (мы согласны с ним в этом): нации существуют, так же как и народы, лишь экономические олигархи и интеллектуалы, поработанные ими хотели бы уничтожить их²¹.

находят свое непосредственное выражение жизнь народа, форма его сознания, его духовность, глубокая душа. Таким образом им отвергается мысль о возникновении поэзии в качестве подражания природе.

¹⁹ *Anderson Benedict*, *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*, London, 1983. – С. 46 – 49.

²⁰ *Fabiatti Ugo*, *L'identità etnica*, Roma: Carrocci, 2004. – С. 135.

²¹ <http://www.geopolitica-rivista.org/15551/piu-europa-o-meno-europa-meno-europa-e-perche/>

Что случилось бы, если в будущем все говорили бы на одном языке?

Дэвид Кристл²² так рассматривает вопрос превращения английского во всеобщий язык: «это будет мир, в котором выжил только один язык». Это сценарий, который теоретически может воплотиться в ближайшие пятьсот лет. Это было бы небывалой интеллектуальной экологической катастрофой. Честно говоря, с трудом удается представить подобный сценарий. Мы предпочитаем рассматривать языковое разнообразие как бесценное достояние, от которого хотя бы часть человечества ни в коем случае не считает нужным отказываться.

Каждый язык, подобно людям, на нем говорящим, обладает своей идентичностью, индивидуальностью и душой; преподавание языка или его изучение не является преподаванием или изучением его письму и речи, а попыткой передачи или освоения его идентичности, индивидуальности и души.

Следовательно, утверждать об уникальности и неповторимости каждого языка, с этой точки зрения, не означает дискриминации других языков или дискриминации их внутреннего разнообразия, которое может варьироваться в большей или меньшей степени от стандартного языка.

Язык как мост между культурами и идентичностями

Для некоторых людей единственно возможным решением старой Европы для взаимного мирного признания соответствующих отличий может быть построение диалога языков и культур, представляющих ее: реальное взаимное признание идентичности языков, во избежание допущения ксенофобской нетерпимости и интегралистического дифференциализма.

В первую очередь необходимо, чтобы языки получили признание, поскольку они:

- существуют и развиваются в единой экосистеме с другими языками;
- Взаимодействуют с социальной, политической, культурной и экономической средой в которую вписываются;
- Находятся под угрозой исчезновения в случае, когда не имеют территориальной принадлежности в качестве поддерживающего их фактора, по сравнению с другими языками той же экосистемы.

Европа является многоязычным государством, в котором, тем не менее, на сегодняшний день чувствуется явное напряжение между языковым плюрализмом и ассимиляцией «меньших» языков со стороны доминирующих.

В недалеком прошлом появились феномены локализации, формирования и защиты «маленьких отечеств»²³. И именно в этих зонах отсутствие адекватной языковой политики по отношению к многоязычности с языковой точки зрения ущемило как лимитрофные общества, так и группы языковых меньшинств.

Европа богата историей, культурами и народами. Создание любой ценой европейской идентичности привело бы к произвольному выбору одного из многих корней в ущерб другим.

Например, какими корнями должна гордиться Европа: греческими или христианскими? И, следовательно, рационализмом или верой?

²² *Cristal David*, English as a global language, Cambridge University press, 2003. – С. 1- 3.

²³ *Iannacaro Gabriele Matera Vincenzo*, La lingua come cultura, UTET De Agostini, Novara, 2009, с. 74.

Удасться ли сформировать европейскую идентичность, основанную на плюрализме ценностей культур и языков, чтобы после ограничить ее пространством, окруженным недоступными границами?

Идея существования границ противоречит принципу плюрализму идей. Было бы ошибкой определение единой идентичности, замкнутой в самой себе. Следовательно, Европа также находится в процессе становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Anderson Benedict*, Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism, London, 1983.
2. *Barth Fredrik*, Ethnic Groups and Boundaries. Oslo: Oslo University Press, 1969.
3. *Cristal David*, English as a global language, Cambridge University press, 2003.
4. *Fabietti Ugo*, Elementi di antropologia culturale, Milano: Mondadori università, 2004.
5. *Fabietti Ugo*, L'identità etnica, Roma: Carrocci, 2004.
6. *Fabietti Ugo*, Storia dell'Antropologia, Bologna: Zanichelli, 2001.
7. *Hobsbawm Eric J.*, Nazioni e nazionalismi dal 1780, Torino: Einaudi, 2002.
8. *Iannacaro Gabriele Matera Vincenzo*, La lingua come cultura, Novara: UTET De Agostini, 2009.
9. *Remotti Francesco*, Contro l'identità, Bari: Laterza, 2007.
10. *Renan Ernst*, Che cos'è una nazione, Roma: Donzelli, 1993.

УДК 81.42

Голованевский А.Л.
(Брянск, Российская Федерация)

ОБ ОППОЗИЦИЯХ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И СРЕДСТВАХ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Російський політичний дискурс – один з дискурсивних жанрів російської мови – сформувався в процесі ідеологічного протистояння, відбитого в газетно-журнальній публіцистиці і частково лексикографічній практиці. Російський політичний дискурс маркується ідеологічно-оцінною лексикою, яка представляє системно-структурну освіту із змінними під впливом екстралінгвістичних чинників ядром і периферією.

Ключові слова: дискурс, політичний дискурс, текст, ідеологія, опозиція, ідеологічно-оцінна лексика.

Русский политический дискурс (РПД) – один из дискурсивных жанров русского языка – сформировался в процессе идеологического противостояния, отраженного в газетно-журнальной публицистике и частично лексикографической практике. РПД маркируется идеологически-оценочной лексикой (ИОЛ). ИОЛ представляет системно-струк-

© Голованевский А.Л., 2012